

ЛИДЕРСТВО В МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ

ПОЛИТИКА КИТАЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ*

ЕЛЕНА СОБОЛЕВА
СВЕТЛАНА КРИВОХИЖ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия

Резюме

В условиях многополярности возрастает роль региональных держав, которые стремятся занять лидерские позиции и оказывать влияние на формирование регионального порядка. Нередко за роль лидера в регионе соревнуются сразу несколько стран, однако возможны и другие варианты, например асимметричное лидерство. Асимметричное лидерство подразумевает, что региональная держава не пытается стать единственным лидером во всех сферах, а степень и характер её вовлечённости в решение разных проблем региона различны. В данной работе на примере политики КНР в Центральной Азии авторы пробуют осмыслить феномен асимметричного лидерства. В теоретической части работы обозначены основные положения теории лидерства в международных отношениях, которые использованы для оценки политики Китая в Центральной Азии. В эмпирической части рассмотрены институты, региональный фокус, цели, материальные и идеологические ресурсы китайских инициатив, а также анализируются мотивы, которыми руководствовался Китай при выборе своей региональной стратегии. Авторы заключают, что в Центральноазиатском регионе КНР демонстрирует лидерские амбиции в нескольких областях (безопасность, экономика, финансы, экология), однако способы реализации этих амбиций существенно различаются. Например, создание специальных институтов Пекин инициировал только для сотрудничества по вопросам нетрадиционных угроз безопасности и финансового управления. Это говорит об избирательном и прагматичном подходе Пекина к лидерству в регионе: очевидно, что главная задача КНР – не получение символического статуса лидера, а достижение конкретных целей внешней политики. Пример Центральной Азии, которая традиционно относилась к сфере влияния России, позволяет изучить варианты реакции одного крупного игрока на лидерские проекты другого. В китайских проектах в Центральной Азии Россия играет разные роли: со-лидера в борьбе с терроризмом, последователя в сфере финансового управления, конкурента в сфере экономического сотрудничества и наблюдателя в программах по защите окружающей среды. Роль России определяется её ресурсами в каждой сфере и наличием собственных лидерских амбиций, а также желанием КНР поддерживать дружественные отношения с Москвой.

Ключевые слова:

внешняя политика КНР; лидерство; Центральная Азия; ШОС; ОПОП; АБИИ.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-014-00030.

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.01.2020

Дата принятия к публикации: 11.03.2020

Для связи с авторами / Corresponding authors:

Email: edsoboleva@hse.ru

skrivokhizh@hse.ru

Одна из специфических особенностей международных отношений в условиях многополярной структуры [Acharya 2018; Кортунов 2019; Бусыгина 2019] – возрастание роли региональных держав. Эти государства обычно не обладают достаточными ресурсами (и мотивацией) для трансформации в глобальную державу, однако стремятся оказывать влияние на формирование регионального порядка [Воскресенский 2004: 25]. Такая ситуация заметно отличается от времён биполярной и однополярной систем международных отношений. В биполярной системе две сверхдержавы, пользуясь своим превосходством, навязывали свою волю остальным государствам. Мир был поделён на сферы влияния, которые Советский Союз и Соединённые Штаты стремились максимально расширить. В однополярной системе, которая пришла на смену биполярной с распадом СССР, такой мощью обладало лишь одно государство – США. В современном мире складывается ситуация, которую Барри Бузан обозначил как движение к «миру без сверхдержав» [Buzan 2011]. Более того, в своей работе «Лидерство и мировой порядок» отечественный исследователь феномена лидерства в международных отношениях Т.А. Шаклеина приходит к выводу, что в современных условиях «миру не нужен ни гегемон, ни лидер» [Шаклеина 2015: 17].

В условиях «децентрализованного глобализма» отдельные государства или группы государств начинают играть структурообразующую роль в своих макрорегионах, берут на себя роль лидера. Стратегии таких государств по выстраиванию отношений в регионе представляют интерес для исследователя. В данной работе на примере политики КНР в Центральной Азии мы рассматриваем феномен асимметричного лидерства, когда региональная держава не пытается единолично доминировать во всех сферах, а степень и характер её вовлечённости в решение разных проблем региона различен.

Мы попытаемся определить, как и почему региональная держава выбирает сферы для своих лидерских проектов, что влияет на её стратегию. Пример Центральной Азии, которая традиционно относилась к сфере влияния России, позволяет изучить варианты реакции одной региональной державы на лидерские проекты другой. Основное внимание мы уделим потенциальному лидеру – КНР, в то время как позиции и интересы стран Центральной Азии в статье обсуждаются бегло и могут стать предметом последующих исследований.

Возвышение Китая породило много споров о том, какую роль страна будет играть в глобальной и региональной политике. Китайские исследователи и чиновники нередко подчёркивают, что Китай – развивающаяся страна и не ставит перед собой цель стать мировым лидером. Профессор Народного университета Китая и советник при Госсовете КНР Ши Иньхун отмечает, что Китай готов стать «членом группы лидеров, но не единоличным лидером»¹. Мы показываем, что, по крайней мере в Центральной Азии, КНР не претендует на единоличное лидерство во всех сферах. В этом регионе Пекин демонстрирует лидерские амбиции в нескольких областях (безопасность, экономика, финансы, экология), способы реализации этих амбиций существенно различаются в плане институционализации, общей региональной направленности, числа последователей, участия других региональных держав, объёма прилагаемых усилий. Это говорит об избирательном и прагматичном подходе Пекина к лидерству в регионе: очевидно, что главная задача КНР – это не получение символического статуса, а достижение конкретных целей внешней политики.

1

Категории «лидер» и «лидерство» в литературе по международным отношениям трактуются неоднозначно. Зачастую поня-

¹ China doesn't want to be the only world leader, says State Council counselor. CNBC. 06.06.2017. URL: <https://www.cnbc.com/2017/06/06/china-doesnt-want-to-be-the-only-world-leader-says-state-council-counselor.html> (accessed: 01.09.2019).

тия «лидерство», «гегемония» и «доминирование» используются как синонимы, поэтому для проведения исследования очень важно внести ясность в вопросы терминологии.

Одними из первых определение понятия «лидерство» в контексте международных отношений дали Оран Янг и Арилд Андердаль. Янг определил лидерство как «деятельность отдельных лиц, призванная решить “проблему коллективного действия”, которая препятствует достижению общих целей в рамках институциональных переговоров» [Young 1991: 288]. У Андердаля лидерство – это «асимметричные отношения власти и подчинения, в которых один субъект управляет поведением других с целью достижения конкретной цели в течение определённого периода времени» [Underdal 1991: 139]. Андердаль сформулировал набор характеристик, которые отличают лидерство от других форм взаимодействия в международных отношениях. Основное содержание *отношения* между лидером и последователями – коллективное стремление к достижению общего блага. Такого рода отношения не могут быть основаны только на принуждении; они подразумевают наличие общих ценностей и убеждений. Модель этих отношений имеет некоторую структуру и реализуется в заданный период времени [Underdal 1991: 141].

Таким образом, чтобы выяснить, можно ли назвать лидерством политику, проводимую региональной державой, необходимо решить ряд вопросов. *Во-первых*, оценить характер отношений между таким государством и его соседями: статус лидера обоснован, только если таковым его признают другие субъекты (его последователи) [Cooper 1991]. *Во-вторых*, проанализировать характер целей потенциального лидера и его мотивацию. Малнз отмечает, что спектр интересов лидера должен включать в себя интересы широкой группы государств, его последователей [Malnes 1995: 94]. Что касается мотивации, довольно трудно определить, что движет поведением субъектов в международных отношениях, и оценить, являются ли их поступки эгои-

стичными или альтруистическими. В этой связи наиболее вероятно формирование отношений лидер–последователь в ситуации, когда интересы региональной державы совпадают с интересами других государств. *В-третьих*, для выявления случаев лидерства необходимо выявить инструменты, которые государство использует для установления и поддержания отношений с последователями. По мнению И.М. Бусыгиной, использование только материальных инструментов больше похоже на гегемонию или господство, а не лидерство. Отечественный исследователь приходит к выводу, что наилучшей стратегией эффективного лидерства является создание у последователей рациональных стимулов следовать за ним. Она уточняет, что «...такие стимулы могут быть созданы через общие институты, сокращение для последователей издержек на реализацию общих проектов, предоставление возможности фрирайдерства» [Бусыгина 2019: 124].

При выборе последователей и лидера важную роль играет географическая близость. Вместе с тем даже в рамках одного региона потенциально есть множество сфер, в которых государство может взять на себя роль лидера: традиционная и нетрадиционная безопасность, торговля, защита окружающей среды. Кроме того, часто происходит наложение зон влияния. Соответственно, региональные державы вынуждены взаимодействовать между собой, и это необязательно подразумевает соперничество. Возможны варианты со-лидерства (когда две или более стран разделяют между собой ответственность в определённой сфере) или разделённого лидерства (когда разные лидеры формируют повестку дня в разных проблемных областях). Бреслин считает, что, поскольку всё больше участников международных отношений способны и хотят играть лидирующие роли в современном мире, идея функционализма Дэвида Митрани может быть полезной для понимания этого процесса [Breslin 2017: 509].

Итак, с точки зрения теории лидерства существует множество вариантов поведе-

ния региональной державы. Одной из таких стратегий является асимметричное лидерство, то есть ситуация, когда региональная держава не пытается стать единственным лидером во всех сферах, а проявляет больше активности в одних областях и меньше в других. При этом она налаживает взаимодействие с другой региональной державой, которую государство-лидер в разной мере вовлекает в свои проекты.

В следующей части работы с точки зрения теории лидерства мы анализируем стратегию Китая в Центральной Азии в четырёх сферах: безопасность, экономика, финансы и экология. Именно в этих четырёх сферах Китай обозначил свои лидерские амбиции наиболее отчётливо. *Во-первых*, мы рассмотрим, существуют ли какие-либо институты, которые можно рассматривать как основу для лидерских проектов в каждой из рассмотренных областей. *Во-вторых*, мы оценим, насколько цели китайских проектов отвечают запросам потенциальных последователей. *В-третьих*, мы охарактеризуем ресурсы, которые Китай использует для привлечения последователей. Наконец, последний подраздел посвящён роли другого крупного игрока в Центральной Азии – России – в китайских проектах. Это позволит нам выявить и сравнить стратегии Китая в четырёх названных сферах и объяснить существующую разницу.

2

Сюн Гуакай отмечал, что после «холодной войны» «Китай, не упуская из виду традиционных угроз безопасности, акцентирует внимание и на нетрадиционных угрозах.» [Сюн 2009]. Новый взгляд на безопасность нашёл отражение в политике КНР в Центральной Азии, где Пекин с 1990-х годов сотрудничал с местными государствами в борьбе с нетрадиционными

угрозами безопасности, среди которых приоритетное внимание уделял терроризму. Изначально это сотрудничество осуществлялось в рамках «Шанхайской пятёрки», на смену которой в 2001 г. пришла Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), основанная четырьмя государствами Центральной Азии (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан), Китаем и Россией. В 2017 г. в качестве полноправных членом к ШОС присоединились Индия и Пакистан.

Несмотря на то что нетрадиционные угрозы безопасности, будучи транснациональными, выходят за границы привычных пространственных ареалов, членство в ШОС имеет региональную привязку. В статье 13 Хартии ШОС (2002) сказано, что «ШОС открыта для приёма в её члены других государств региона». Вместе с тем границы самого упоминаемого региона никак не определены. Согласно «Положению о порядке приёма новых членом в Шанхайскую организацию сотрудничества» (2010), государство, желающее стать членом объединения, должно «принадлежать к евроазиатскому региону». Такой региональный фокус ШОС часто объясняется тем, что в Евразии существуют свои нормы, поэтому для неё требуются собственные институты [Aris, Snetkov 2013: 211].

Пекин изначально не был заинтересован в расширении ШОС² и увеличении числа участников сотрудничества по борьбе с терроризмом, так как «для Китая основная зона ответственности ШОС – это Центральная Азия» [Денисов, Сафранчук 2016: 118]. КНР даже инициировала создание альтернативных механизмов по борьбе с терроризмом меньшего масштаба. В китайском городе Урумчи летом 2016 г. на встрече начальников генштабов вооружённых сил Таджикистана, Китая, Афганистана и командующего сухопутными силами ар-

² Изменение позиции КНР по вопросу расширения ШОС объясняют тем, что Пекин был разочарован низкой эффективностью работы данной организации и невозможностью достичь консенсуса по ключевым вопросам. Ввиду снижения значимости ШОС для китайской внешней политики Пекин согласился на присоединение к ШОС Индии при условии, что туда вступит и Пакистан. См.: *Габуев А. Больше, да хуже. Как Россия превратила ШОС в клуб без интересов. Московский Центр Карнеги.* URL: <https://carnegie.ru/commentary/71212> (дата обращения: 27.07.2020).

мии Пакистана была достигнута «договорённость о создании коалиции и формировании четырёхстороннего механизма для совместной борьбы с терроризмом и экстремизмом»³. Кроме того, Китай развивал двустороннее сотрудничество по борьбе с терроризмом с Казахстаном, Таджикистаном и Киргизией [Reeves 2018: 508].

В рамках ШОС все государства-члены имеют одинаковые права, а решения в организации принимаются на основе консенсуса без голосования. Несмотря на это, Сун утверждает, что Китай определяет большую часть повестки в ШОС, даже создание объединения стало результатом инициативы Китая по обновлению «Шанхайской пятёрки» [Song 2018: 57]. Несмотря на сдержанное отношение других членов ШОС к созданию совместного антитеррористического механизма, Китай успешно использовал 11 сентября для повышения актуальности этого вопроса, и в 2004 г. была образована Региональная антитеррористическая структура (РАТС) [Song 2018: 57–58]. С 2006 г. РАТС стала ежегодно выступать соорганизатором антитеррористических учений⁴.

Что касается экономического сотрудничества и помощи в развитии, КНР ещё в 1990-х годах начала предоставлять странам Центральной Азии льготные кредиты для закупки товаров народного потребления в Китае [Bossuyt 2019: 10]. В середине 2000-х годов Пекин выдвинул ряд предложений по укреплению экономического сотрудничества в ШОС, таких как создание зоны свободной торговли. Поскольку китайские инициативы не получили ожидаемой поддержки, Китай стал использовать собственную инициативу – «Экономический пояс Шёлкового пути» (ЭПШП), которая

позже стала позиционироваться как часть проекта «Один пояс, один путь» (ОПОП, другое название – «Пояс и путь»), – для продвижения экономического сотрудничества со странами Центральной Азии. С 2013 года, когда Си Цзиньпин впервые выступил с предложением создать ЭПШП, все китайские проекты в области развития и экономического сотрудничества в Евразии стали позиционироваться как его часть.

Сотрудничество в рамках ОПОП не институционализировано. К концу июля 2019 г. 136 стран подписали с Китаем соглашения о сотрудничестве в рамках инициативы ОПОП (обычно это меморандум о взаимопонимании). Среди них четыре государства Центральной Азии (Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Узбекистан)⁵. Подписание Меморандума о взаимопонимании едва ли можно считать признанием лидерства, поскольку он не создаёт ни обязательств для присоединяющихся государств, ни ограничений для региональной державы. КНР согласовывала условия сотрудничества с каждым последователем на двусторонней основе. В этой связи Ривз указывал, что основная цель китайской инициативы – дать концептуальное объяснение расширению двустороннего сотрудничества КНР со странами региона [Reeves 2018]. При этом китайские проекты в области содействия развитию и экономическому сотрудничеству были ориентированы на Евразию в целом, то есть имели более широкий фокус, чем инициативы в области борьбы с терроризмом, которые до расширения ШОС объединяли только КНР, Россию и страны Центральной Азии.

Помимо сотрудничества по противостоянию нетрадиционным угрозам безопасности и реализации инфраструктурных

³ Хроленко А. Зачем Китай строит военную базу в Афганистане и при чём тут Таджикистан. Sputnik. URL: <https://tj.sputniknews.ru/columnists/20180115/1024425253/tadzhikistan-ukreplyayet-voyennyye-svyazi-kitayem-afganistanom.html> (дата обращения 22.11.2019).

⁴ Топычканов П. ШОС – это по-нашему. Московский Центр Карнеги. URL: <https://carnegie.ru/2015/07/21/ru-pub-60794> (дата обращения 27.07.2020).

⁵ 已同中国签订共建“一带一路”合作文件的国家一览 (И тун чжунго цянъдин гунцзянь “идай илу” хэцзо вэньцзянь дэ гоцзя илань / Список стран, подписавших с Китаем документы о сотрудничестве в рамках инициативы «Пояс и путь»). Belt and Road Portal. URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/xwzx/roll/77298.htm>

проектов, Китай проявлял интерес к участию в глобальном финансовом управлении. В течение 2010-х годов КНР не раз критиковала существующие международные финансовые институты за недостаточную представленность развивающихся стран, выступала за увеличение количества голосов государств Азии. Ещё в начале десятилетия Китай предлагал создать банк развития ШОС, но эту инициативу не поддержала Россия, так как по китайскому проекту около 80% голосующих акций должны были принадлежать КНР⁶. Хотя предоставление кредитов на двусторонней основе давало Китаю ряд преимуществ, в 2010-х годах Пекин инициировал создание двух новых многосторонних институтов — Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и Нового банка развития (НБР).

Основателями и членами последнего стали страны БРИКС. Между тем региональный фокус АБИИ — страны Азии. Государства из других частей мира также получили возможность вступить в этот финансовый институт, но при этом азиатские государства-члены выступили мажоритарными акционерами, на которых пришлось около 75% акций. На декабрь 2019 г. в АБИИ было 102 государства-члена. Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Узбекистан вошли в круг стран-учредителей банка, но Центральная Азия — лишь один из регионов, охватываемых АБИИ.

Китай не раз подчёркивал, что не стремится к доминирующей роли в АБИИ. Тем не менее на 2019 г. Китай владел 26,5% голосующих акций⁷, что давало ему решающий голос в ключевых вопросах, где требуется одобрение $\frac{3}{4}$ акционеров. Государства-учредители АБИИ, а также государ-

ства, присоединившиеся позже, приняли де-факто лидерство Китая, которое вытекает из институциональной структуры и процедур голосования.

Важной темой для КНР, особенно в рамках ОПОП, стало международное сотрудничество в сфере экологии. В руководстве по развитию «Зелёного пояса и пути» утверждается, что Китай планирует поделиться своим опытом в области построения «экологической цивилизации» с другими растущими экономиками⁸. В настоящее время КНР не имеет конкретных проектов в сфере охраны окружающей среды в Центральной Азии. Лидером повестки в этом регионе выступает Европейский Союз; впрочем, Пекин не раз заявлял о намерении использовать ОПОП для «зелёного» развития региона. Например, инициатива «Принципы зелёного инвестирования» нацелена на усовершенствование управления экологическими и социальными рисками при инвестировании в странах-партнёрах. Кроме того, ОПОП включает в себя инициативы «Зелёное освещение», «Зелёное охлаждение» и другие⁹. Однако многочисленные декларации Пекина пока не подкреплены механизмами реализации поставленных задач в Центральной Азии.

Таким образом, китайские инициативы в сфере защиты от нетрадиционных угроз безопасности и финансового управления отвечают критерию институционализированности. Интересно, что в сфере безопасности Китай не заинтересован в увеличении числа последователей. Это можно объяснить тем, что сотрудничество в области борьбы с терроризмом интересует КНР только в контексте решения его собственных проблем в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР). Кроме того, при

⁶ Габуев А. Приручить дракона: Как использовать финансовые амбиции Китая в ШОС. Московский Центр Карнеги. URL: <https://carnegie.ru/2015/02/19/ru-pub-59136> (дата обращения: 18.09.2019).

⁷ Members and Prospective Members of the Bank. Asian Infrastructure Investment Bank. URL: <https://www.aiib.org/en/about-aiib/governance/members-of-bank/index.html> (accessed: 20.09.2019).

⁸ Guidance on Promoting Green Belt and Road. Belt and Road Portal. URL: <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/zchj/qwfb/12479.htm> (accessed: 20.09.2019).

⁹ UNIDO further engages with the Belt and Road Initiative (25/04/2019). United Nations Industrial Development Organization. URL: <https://www.unido.org/news/unido-further-engages-belt-and-road-initiative> (accessed: 01.09.2019).

равноправии стран–участниц ШОС увеличение их количества усложняет процесс принятия решений. В сфере экономического и финансового сотрудничества китайские инициативы имеют более широкий региональный фокус, так как интересы КНР в этих областях требуют вовлечения большего количества стран. Что касается защиты окружающей среды, деятельность Пекина в данной сфере в Центральной Азии носит символический характер и не оформлена институтами. Это во многом связано с наличием в регионе более авторитетного лидера в сфере защиты окружающей среды – ЕС – и с тем, что у Китая пока недостаточно опыта и экспертизы для осуществления лидерства.

З

Исходя из сказанного выше возникает вопрос: как же КНР удаётся привлекать последователей? Совпадают ли цели китайских проектов с установками центрально-азиатских государств?

Проблемы в сфере безопасности вызывают беспокойство не только Пекина, но и других стран–участниц ШОС, особенно ввиду возникновения ИГИЛ и сохраняющейся нестабильности в Афганистане. Более того, правительства стран Центральной Азии видят в ислализме угрозу стабильности своих режимов¹⁰. Помимо этого, в центральноазиатских странах нередко происходят конфликты на национальной почве, которые представляют угрозу правительствам этих стран, что также объясняет заинтересованность в сотрудничестве с КНР. Как уже отмечалось, в вопросах безопасности Китай преимущественно заинтересован в борьбе с терроризмом, что обусловлено его собственными проблемами. Соответственно, именно в этом вопросе и наблюдается наибольшая активность Китая.

Что касается сотрудничества, направленного на стимулирование экономического развития, согласно официальным заявлениям КНР, инициатива ОПОП призвана

способствовать решению общих задач мирового сообщества, таких как стимулирование экономического развития и увеличение благосостояния населения. Предполагается, что развитие инфраструктуры в Центральной Азии, которая свяжет все государства с Китаем и друг с другом, будет способствовать усилению регионального экономического сотрудничества и углублению интеграции [Reeves 2018: 516]. Кабестан пишет, что Китай был очень терпелив во взаимодействии со странами Центральной Азии в сфере экономики [Cabestan 2013: 431]. Он не пытался навязать им соглашение о свободной торговле, которое могло дестабилизировать их экономику, а вместо этого сосредоточил внимание на других видах хозяйственного сотрудничества. В целом цели ОПОП соотносятся с интересами стран Центральной Азии, которым необходимы иностранные инвестиции и развитие инфраструктуры. Однако китайские экономические инициативы также часто критикуют, например, за загрязнение окружающей среды или растущий долг Китаю [Bossuyt 2019].

Несмотря на активное присутствие Всемирного банка, Азиатского банка развития (АБР) и Европейского банка реконструкции и развития в Азии, в регионе по-прежнему сохраняется потребность в дополнительных инвестициях в инфраструктуру. В отличие от АБР, основная цель которого – борьба с бедностью, АБИИ занимается исключительно финансированием инфраструктурных проектов. Банк уже снискал хорошую репутацию, и в 2017 г. ведущие мировые рейтинговые агентства присвоили ему кредитный рейтинг «AAA», как у Всемирного банка [Nota 2019]. Опасения западных аналитиков о том, что АБИИ будет подчиняться интересам КНР по продвижению ОПОП, не подтвердились. Благодаря этому международному институту в регионе появился дополнительный источник финансирования проектов развития инфраструктуры, от недо-

¹⁰ Габуев А. Приручить дракона: Как использовать финансовые амбиции Китая в ШОС. Московский Центр Карнеги. URL: <https://carnegie.ru/2015/02/19/ru-pub-59136> (дата обращения: 18.09.2019).

статка которой страдают страны Центральной Азии. Например, в 2017 г. АБИИ выделил кредит размером 60 млн долларов на модернизацию гидроэлектростанции «Нурек» в Таджикистане¹¹.

В сфере экологии у Китая и соседних стран Центральной Азии имеется ряд общих проблем: изменение климата, опустынивание, нехватка воды. Амбиции Китая по использованию ОПОП в качестве одного из инструментов «зелёного» роста региона соответствуют стремлению Центральной Азии к устойчивому развитию, поэтому потенциально у сторон есть общие цели. Тем не менее на конец 2010-х годов экологические проекты под руководством КНР в Центральной Азии отсутствовали. Напротив, наблюдалось противоречие между китайскими экономическими инициативами и защитой окружающей среды, ведь Китай стал крупнейшим в мире инвестором и экспортёром технологий в сфере угольной энергетики. В Центральной Азии большая часть проектов в рамках ОПОП связана с использованием угля, газа и нефти, а не возобновляемых источников энергии¹² – то есть Пекин не обладает достаточной репутацией и ресурсами, чтобы сформировать общую повестку в вопросах экологии в регионе.

Можно сделать вывод, что инициативы Китая направлены на решение общих проблем и потому привлекают другие страны. Исключением является сфера защиты окружающей среды, где потенциально есть общие цели, но пока мало реального сотрудничества. Стоит отметить, что среди населения китайские проекты получают значительно меньше поддержки, чем со стороны политических элит.

4

Кажется очевидным, что сильная сторона китайских проектов в Центральной Азии – это наличие значительного финансового ресурса. Можно ли говорить о том, что Китай получает поддержку стран в Центральной Азии, предоставляя им выгодные с экономической точки зрения форматы сотрудничества?

В сфере безопасности расходы на сотрудничество покрывает бюджет ШОС. Напомним, что после расширения обязательств по финансированию организации распределились следующим образом: Китай и Россия по 20,6%, Казахстан – 17,6, Индия – 5,9, Киргизия – 8,8, Пакистан – 5,9, Таджикистан – 6, Узбекистан – 14,6%¹³. Помимо регулярного вклада в бюджет, Китай на нерегулярной основе предоставляет различную помощь странам-участницам ШОС в сфере безопасности. Например, на 18-м саммите объединения (2018) Китай предложил за предстоящие три года подготовить 2000 сотрудников их правоохранительных органов¹⁴.

Для финансирования проектов в рамках ОПОП в конце 2014 г. правительство Китая объявило о создании Фонда Шёлкового пути на сумму 40 млрд долларов. Так как у китайских проектов экономического сотрудничества нет институциональной базы, отсутствует и стандартный механизм их финансирования. Исходя из примера Казахстана, Умаров предполагает, что объёмы инвестиций в Центральной Азии снизятся и эта тенденция продолжится в будущем: «[С]ейчас былых инвестиций уже нет: за 2015–2018 годы прямые инвестиции Китая в Казахстан составили всего 4 млрд долларов, в два раза меньше, чем за 2011–

¹¹ Кредит в сумме 60 миллионов долларов банк выделил для модернизации гидроэлектростанции «Нурек» в Таджикистане. Sputnik [Электронный ресурс]. URL: <https://tj.sputniknews.ru/country/20170615/1022584304/abii-tadzhikistan-kredit-60-millionov-dollarov.html> (дата обращения: 05.11.2019).

¹² Nakano J. Greening or Greenwashing the Belt and Road Initiative? (01/05/2019). Center for Strategic International Studies. URL: <https://www.csis.org/analysis/greening-or-greenwashing-belt-and-road-initiative> (accessed: 15.11.2019).

¹³ Шанхайская организация сотрудничества. Досье. ТАСС. URL: <https://tass.ru/info/5275701> (дата обращения: 18.10.2019).

¹⁴ An B. Xi calls for building a shared future. China Daily. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201806/11/WS5b1d6ccda31001b82571f299.html> (accessed: 25.11.2019).

2014 годы (8,1 млрд)¹⁵. Для сравнения: по состоянию на июнь 2019 г. инвестиции КНР в экономику Таджикистана за все годы двустороннего сотрудничества составили 2,6 млрд долларов¹⁶.

Что касается финансового управления, то Китай не только выступил инициатором создания АБИИ, но и стал крупнейшим акционером банка: его вклад в уставной капитал – около 30 млрд долларов, тогда как вложения двух других крупнейших участников – Индии и России – составили 6,5 млрд и 8,4 млрд соответственно¹⁷.

В сфере экологии Китай сформировал финансовые инструменты, ориентированные на решение задач устойчивого развития ОПОП. В частности, бюджет «Зелёного» фонда Шёлкового пути составил 4,5 млрд долларов, планируется создание Банка экологического развития Китая (с уставным капиталом в 16 млрд)¹⁸, который также будет ориентирован на финансирование проектов в сфере экологии. Оценить эффективность этих структур в решении экологических проблем региона пока не представляется возможным.

Можно заключить, что китайские проекты в сфере экономики и финансового управления действительно подкрепляются наличием у КНР значительных материальных ресурсов. При этом в случае институционализированного сотрудничества в рамках ШОС вклад КНР несущественно превышает вклады других стран.

Между тем сотрудничество с Китаем в борьбе с терроризмом в СУАР не пользуется популярностью у населения стран

Центральной Азии. В частности, в Казахстане гражданское общество критикует правительство за слишком осторожный подход и даже поддержку спорных контртеррористических мер КНР, таких как лагерь перевоспитания¹⁹. Нет доказательств того, что Китай вынуждает Казахстан поддерживать его политику с помощью угроз санкций: скорее, казахские элиты предпочитают обходить острую проблему, зная о склонности Пекина использовать экономические меры для наказания стран, политика которых не соответствует его национальным интересам.

Китай подкрепляет свои инициативы не только материальными ресурсами, но и посредством создания нового дискурса. В сфере борьбы с терроризмом в рамках ШОС КНР предложила концепции «трёх зол» и «Шанхайского духа». Теория «трёх зол» заключается в том, что борьба с терроризмом должна сопровождаться также борьбой с экстремизмом и сепаратизмом, и является новаторским подходом ШОС. «Шанхайский дух» – набор ценностей, таких как взаимное доверие, взаимная выгода, равенство, консультации, уважение к разнообразию цивилизаций и стремление к общему развитию, которые противопоставляются таким понятиям, как «столкновение цивилизаций, холодная война и менталитет с нулевой суммой»²⁰. Если концепция «трёх зол» вне деятельности в рамках ШОС используется преимущественно только китайскими политиками, то «Шанхайский дух» часто упоминается политиками центральноазиатских стран.

¹⁵ Умаров Т. Антикитайская осень. Почему власти Казахстана не справляются с протестами против Китая. Московский Центр Карнеги. URL: <https://carnegie.ru/commentary/80155> (дата обращения: 23.11.2019).

¹⁶ Инвестиции Китая в экономику Таджикистана превысили \$2,6 млрд. Regnum [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/economy/2648995.html> (дата обращения: 07.12.2019).

¹⁷ Members and Perspective Members of the Bank. Asian Infrastructure Investment Bank. URL: <https://www.aiib.org/en/about-aiib/governance/members-of-bank/index.html> (accessed: 18.11.2019).

¹⁸ Greening the belt and road initiative. HSBC. URL: <https://www.sustainablefinance.hsbc.com/reports/greening-the-belt-and-road-initiative> (accessed: 25.11.2019).

¹⁹ Bunin G.A. Central Asia Struggles With Fallout From China's Internment of Minorities. Foreign Policy. URL: <https://foreignpolicy.com/2018/08/15/central-asia-struggles-with-fallout-from-chinas-internment-of-minorities/> (accessed: 12.11.2019).

²⁰ Commentary: Shanghai Spirit essential to bringing certainty to world. Xinhuanet. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2019-06/15/c_138145601.htm (accessed: 15.10.2019).

Например, в 2015 г. Нурсултан Назарбаев заявил, что шанхайский дух стал символом новой Евразии²¹.

В поддержку экономическим инициативам Китая его представители не раз заявляли, что среди многих видов помощи развитие инфраструктуры в наибольшей степени способствует экономическому процветанию²². Преимущество своих инициатив Пекин обосновывал также и тем, что, в отличие от западных стран, он понимал потребности развивающихся стран и имеет успешный опыт догоняющего развития. Си Цзиньпин говорил также об особом духе Шёлкового пути, который заключается в мире и сотрудничестве, открытости и инклюзивности, взаимном обучении и взаимной выгоде²³. Наконец, Китай обращал внимание на то, что помощь в рамках ОПОП не увязана с политическими требованиями. Китайские идеи находили отклик в заявлениях лидеров стран Центральной Азии²⁴.

В сфере финансового управления Китай также выступал как защитник интересов развивающихся стран. В 2010-х годах КНР критиковала существующие международные финансовые институты за недостаточную представленность этих государств, выступала за увеличение количества голосов от Азии. Однако китайские призывы реформировать систему распределения голосов в Международном валютном фонде и Мировом банке не имели успеха. На этом фоне Китай позиционировал АБИИ как

международный финансовый институт нового типа (*yige xinxing de guoji jinrong jigou*). Например, бывший заместитель директора Института мирового развития Центра исследований развития при Госсовете КНР Дин Ифань утверждал, что новый банк отражает интересы развивающихся стран Азии, которые долгое время были недостаточно представлены в глобальном финансовом управлении²⁵. На деле банк воспроизвёл многие институциональные особенности ранее созданных международных финансовых институтов, которые критиковали Китай и другие развивающиеся страны.

В сфере экологии Пекин продвигает идею «озеленения» Шёлкового пути, что подразумевает использование в проектах ОПОП принципов устойчивого развития и сокращение количества проектов, которые вредят окружающей среде. Пока не приходится говорить о том, что заявленные принципы соблюдаются.

Все китайские инициативы сопровождаются созданием новых концепций или норм, которые призваны предложить новое видение существующих проблем («три зла») и инновационный или альтернативный существующим подход к их решению («Шанхайский дух»). С возвышением КНР на международной арене руководство страны стало уделять всё больше внимания наращиванию международной дискурсивной силы для поддержки проектов и имиджа за рубежом [Zhao 2016; У, Ли 2018]. В этой

²¹ «Шанхайский дух» превратился в символ новой Евразии — Президент РК. Tengri Daily. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/shanhayskiy-duh-prevratilsya-simvol-novoy-evrazii-president-277524/ (дата обращения: 12.10.2019).

²² Xi underscores high-quality infrastructure construction for inclusive development. China Daily. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201906/29/WS5d172713a3103dbf1432aff5.html> (accessed: 07.10.2019).

²³ President Xi proclaims Silk Road spirit. Xinhua. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2017-05/14/c_136281165.htm (accessed: 07.10.2019).

²⁴ См.: комментарий Н. Назарбаева: *Orazgaliyeva M.* Kazakhstan has turned into 'competitive transit hub', Nazarbayev tells Belt and Road forum. The Astana Times. URL: <https://astanatimes.com/2019/04/kazakhstan-has-turned-into-competitive-transit-hub-nazarbayev-tells-belt-and-road-forum/> (accessed: 08.10.2019); оценку Сооронбая Жээнбекова — *Podolskaya D.* One Belt, One Road. Kyrgyz President tells about importance of joint work. 24.kg. https://24.kg/english/116231_One_Belt_One_Road_Kyrgyz_President_tells_about_importance_of_joint_work/ (accessed: 08.10.2019).

²⁵ 丁一凡. 亚投行为什么这么受欢迎? (Дин Ифань. Ятоусин вэйшэньмэ чжэзмэ шоу хуаньин? (Почему так популярен АБИИ?). URL: <http://theory.people.com.cn/n/2015/0319/c40531-26716515.html>.

связи в Китае уделяли большое внимание идейному наполнению выдвигаемых инициатив. При этом некоторые идеи КНР, например инвестирование в инфраструктуру для стимулирования экономического развития, нельзя считать инновационными, а позиционирование АБИИ как финансового института нового типа не соответствует действительности. Вместе с тем то обстоятельство, что предложенные КНР концепции зарубежные политические лидеры используют в своих публичных выступлениях, а иностранные государства – в своих официальных документах, говорит об их привлекательности.

5

Если в период биполярности две сверхдержавы вели борьбу за расширение сфер влияния, а другие страны не всегда могли добровольно выбирать, к какому лагерю примкнуть, то сейчас ситуация изменилась. На примере Центральной Азии мы видим, как два крупных игрока могут оказывать влияние на один и тот же регион.

В сфере безопасности Китай и Россия выступили со-лидерами в Центральной Азии, внося равный вклад в бюджет ШОС и формально поддерживая одинаковое влияние на процесс принятия решений в организации. Сотрудничество в сфере безопасности в рамках объединения стало первой многосторонней инициативой КНР в регионе, который традиционно относился к сфере влияния России²⁶. В связи с этим Китай нуждался в поддержке и одобрении со стороны Москвы. Большинство исследователей сходятся во мнении, что Китай и Россия имеют схожие позиции в вопросе безопасности и стабильности в Центральной Азии [Ли 2015: 40]. Вместе с тем после инициированного Россией присоединения к ШОС Индии (2017) появился третий потенциальный со-лидер. Кроме того,

в 2016 г. Китай инициировал механизм по борьбе с терроризмом меньшего масштаба, не пригласив к участию в нём Москву. При этом продолжает существовать Организация договора коллективной безопасности (ОДКБ), в которой лидером выступает Россия и в которую на 2019 г. входили три центральноазиатские страны: Казахстан, Киргизия и Таджикистан, а кроме них – Армения и Белоруссия.

В сфере экономики Россия использовала возможности, заложенные в институциональной структуре ШОС, чтобы предотвратить углубление сотрудничества между Китаем и странами Центральной Азии [Cabestan 2013: 429]. Если повлиять на масштабы и формы экономического сотрудничества в рамках этого объединения Россия оказалась способна, то в рамках ОПОП такой возможности у неё нет. Позиция по ОПОП у России более гибкая, чем, например, у Японии и Индии. С одной стороны, президент Владимир Путин посетил оба международных форума «Один пояс, один путь», а с другой стороны, на протяжении 2010-х годов Москва продвигала собственную инициативу по сотрудничеству и интеграции – Евразийский экономический союз, в который входят Казахстан и Киргизия.

При том что ЕАЭС и ОПОП нередко трактуются экспертами [например, см.: Сыроежкин 2016] как конкурирующие инициативы в Центральной Азии, в 2015 г. Россия и Китай договорились о сопряжении этих проектов²⁷. Однако формула сотрудничества до сих пор не найдена и достигнутое соглашение не повлекло за собой реальных шагов. КНР официально признала необходимость согласовывать ОПОП с Россией и ЕАЭС, то есть хотя бы формально пошла навстречу Москве в стремлении поддержать дружественные отношения. Как пишет отечественный эксперт Дмитрий Тренин, «Пекин — несмотря на

²⁶ Gabuev A. Bigger, Not Better: Russia Makes the SCO a Useless Club. Carnegie Moscow Center. URL: <https://carnegie.ru/commentary/71350> (accessed: 28.11.2019).

²⁷ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шёлкового пути. Президент России. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4971> (дата обращения: 29.11.2019).

то что на рубеже XX и XXI веков баланс национальной мощи двух стран быстро изменился в пользу Китая — не отошёл от концепции равенства в отношениях с Москвой»²⁸.

В сфере финансового управления Пекин сначала пытался использовать ШОС в качестве платформы для продвижения новых инициатив, таких как банк развития, но не смог договориться с Москвой об условиях. Ещё в 2006 г. Россия вместе с Казахстаном учредила Евразийский банк развития (ЕАБР), в котором у неё 66% акций [Engen, Prizzon 2018]. Помимо Казахстана, этот финансовый институт охватывает ещё два государства Центральной Азии (Киргизию и Таджикистан). В то же время это — небольшой игрок на финансовом рынке как по количеству членов, так и по уставному капиталу (7 млрд долларов).

Хотя к соглашению о банке ШОС Россия и КНР не пришли, Москва присоединилась к китайской инициативе, став членом-учредителем АБИИ с 6,02% голосующих акций²⁹ (третье место по их количеству). Поскольку институциональная структура банка отражает ведущую роль Пекина, можно сказать, что Россия выступает в качестве последователя. Правда, АБИИ имеет гораздо более широкий региональный фокус, чем ранее предложенный банк ШОС, что не позволяет ему ориентироваться только на Центральную Азию и, таким образом, поставить под сомнение роль России в этом регионе.

К концу 2010-х годов для Москвы защита окружающей среды не стала приоритетной задачей на региональном или международном уровне. Можно сделать вывод, что в этой сфере в Центральной Азии она остаётся лишь наблюдателем. Как было сказано выше, экологические инициативы КНР в регионе реализуются слабо, потому не порождают опасений или интереса Москвы. Впрочем, Россия не реаги-

рует и на проекты других участников, например ЕС.

В китайских проектах в Центральной Азии Россия играла разные роли: со-лидера в борьбе с терроризмом, последователя в сфере финансового управления, конкурента в сфере экономического сотрудничества и наблюдателя в программах по защите окружающей среды. При этом открытого противостояния не наблюдалось: даже в экономических вопросах Китай и Россия в декларативной форме договорились о сопряжении своих проектов. Положение Москвы зависит от наличия ресурсов и собственных лидерских амбиций. Например, в сфере безопасности Россия традиционно играла в Центральной Азии важную роль: она поддерживала прочные двусторонние связи со странами региона и являлась ведущим государством в ОДКБ. Наоборот, сотрудничество в области охраны окружающей среды никогда не было для неё в числе приоритетов.

* * *

На примере КНР в данной статье показано, как крупный игрок в условиях многополярности выстраивает свою стратегию в регионе, в котором присутствуют и другие потенциальные лидеры. Деятельность Китая в Центральной Азии можно определить как асимметричное лидерство. Он демонстрирует лидерские амбиции в нескольких областях (безопасность, экономика, финансы, экология), однако способы реализации этих амбиций существенно различаются. Например, инициативы в сфере безопасности и финансового управления отвечают критерию институционализированности, а проекты по экономическому сотрудничеству и защите окружающей среды — нет.

Инициативы КНР имеют различный географический охват: от регионального в борьбе с терроризмом до почти мирового,

²⁸ Тренин Д. Становление российско-китайского сообщества безопасности. Московский Центр Карнеги. URL: <https://carnegie.ru/2013/10/29/ru-pub-53978> (дата обращения: 16.10.2019).

²⁹ Members and Prospective Members of the Bank. Asian Infrastructure Investment Bank. URL: <https://www.aiib.org/en/about-aiib/governance/members-of-bank/index.html> (accessed: 15.11.2019).

когда идёт речь о финансовом управлении, но даже и в последнем случае наибольшее внимание уделяется странам Азии. Сотрудничество в борьбе с терроризмом интересует Китай только в контексте решения его собственных проблем в СУАР, а потому не требует участия большого количества стран. Напрашивается вывод об избирательном и прагматичном подходе Пекина к лидерству в регионе: главная задача КНР – не получение символического статуса, а достижение целей внешней (и внутренней – по терроризму) политики.

Инициативы Китая направлены на решение общих проблем, таких как терроризм, потребность в инфраструктуре, недостаток финансовых ресурсов, и потому привлекают потенциальных последователей. Исключением выступает проблема защиты окружающей среды, где при наличии общих целей реального сотрудничества пока мало. Свои инициативы КНР подкрепляет выделением значительных материальных ресурсов, не прибегая к жёсткой

силе для принуждения стран к участию. Все китайские инициативы сопровождаются созданием новых концепций или норм, которые предлагают китайское видение существующих проблем («три зла») и инновационный или альтернативный существующим подход к их решению («Шанхайский дух»).

На примере Центральной Азии мы можем наблюдать, как два крупных игрока могут взаимодействовать в рамках региона без противостояния – по крайней мере, открытого. В китайских проектах Россия играет разные роли: со-лидера в борьбе с терроризмом, последователя в сфере финансового управления, конкурента в сфере экономического сотрудничества и наблюдателя в программах по защите окружающей среды. Даже в сфере экономики две страны договорились (пока в декларативной форме) о сопряжении своих лидерских проектов. Вовлечение России в китайские проекты зависит от её ресурсов и собственных лидерских амбиций.

Список литературы

- Бусыгина И. Региональное лидерство в международных отношениях и роль России в Евразии // *Общественные науки и современность*. 2019. № 4. С. 121–133.
- Воскресенский А.Д. Китай в контексте глобального лидерства // *Международные процессы*. 2004. Т. 2. № 2. С. 21–33.
- Денисов И., Сафранчук И. Четыре проблемы ШОС в свете вопроса о расширении организации // *Вестник МГИМО-Университета*. 2016. №3 (48). С. 112–122.
- Кортунов А. Между полицентризмом и биполярностью: о российских нарративах эволюции миропорядка. Рабочая тетрадь РСМД № 52 / Под ред. И. Иванова. М.: НП Российский совет по международным делам, 2019. 40 с.
- Сыроежкин К. Сопряжение ЕАЭС и ЭПШП // *Россия и новые государства Евразии*. 2016. № 2. С. 37–55
- Сюн Г. Всеобъемлющая концепция национальной безопасности Китая (1) // *Россия в глобальной политике*. 2009. №3. URL https://globalaffairs.ru/number/n_13205 (дата обращения 02.11.2019)
- Шаклеина Т. Лидерство и современный мировой порядок // *Международные процессы*. 2015. №4. С. 6–19. DOI 10.17994/IT.2015.13.4.43.1
- 李进峰. 上海合作组织扩员: 挑战与机遇 (Ли Цзиньфэн. (2015) Шанхай хэцэо цзучжи коюань: тяочжань юй цзуйюй / Расширение Шанхайской организации сотрудничества: вызовы и возможности) // *Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии*. № 6. С. 36–44.
- 吴志成, 李冰. 全球治理话语权提升的中国视角 (У Чжичэн, Ли Бин. (2018) Цюаньцюо чжили хуайюйцюань тишэнздэ чжунго шицзяо/ Китайский взгляд на укрепление дискурсивной силы в глобальном управлении) // *Мировая экономика и политика*. № 9. С. 4–21.
- Acharya A. After Liberal Hegemony: The Advent of a Multiplex World Order // *Ethics & International Affairs*. 2018. Vol. 32. No. 1. P. 271–285.
- Aris S., Snetkov A. Global alternatives, regional stability and common causes: the international politics of the Shanghai Cooperation Organization and its relationship to the West // *Eurasian Geography and Economics*. 2013. Vol. 54. No. 2. P. 202–226.
- Bossuyt F. The EU's and China's development assistance towards Central Asia: low versus contested impact // *Eurasian Geography and Economics*. 2019. Vol. 59. P. 603–631.

- Breslin S.* Leadership and Followership in Post-Unipolar World: Towards Selective Global Leadership and a New Functionalism? // Chinese Political Science Review. 2017. Vol. 2. P. 494–511.
- Buzan B.* The Inaugural Kenneth N. Waltz Annual Lecture A World Order Without Superpowers // International Relations. 2011. Vol. 25(1). P. 3–25.
- Cabestan J.-P.* The Shanghai Cooperation Organization, Central Asia, and the Great Powers, an Introduction // Asian Survey. 2013. Vol. 53. P. 423–435.
- Cooper A. et al.* Bound to Follow? Leadership and Followership in the Gulf Conflict // Political Science Quarterly. 1991. Vol. 106. P. 391–410.
- Engen L., Prizzon A.* A guide to multilateral development banks. ODI. 2018. URL: <https://www.odi.org/sites/odi.org.uk/files/resource-documents/12274.pdf> (accessed: 18.11.2019).
- Haas M. d.* Relations of Central Asia with the Shanghai Cooperation Organization and the Collective Security Treaty Organization // The Journal of Slavic Military Studies. 2017. Vol. 30. No. 1. P. 1–16.
- Horta K.* The Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB). A Multilateral Bank where China sets the Rules. Heinrich Boell Stiftung Publication Series on Democracy. 2019. Vol. 52. URL: https://www.boell.de/sites/default/files/boell_aiib_studie_0.pdf (accessed: 15.12.2019).
- Malnes R.* 'Leader' and 'Entrepreneur' in International Negotiations: A Conceptual Analysis // European Journal of International Relations. 1995. Vol. 1. P. 87–112.
- Reeves J.* China's Silk Road Economic Belt Initiative: Network and Influence Formation in Central Asia // Journal of Contemporary China. 2018. Vol. 27. P. 502–518.
- Song W.* Peaceful Rise from the Border: Chinese Practice of Diplomatic Leadership in the Shanghai Cooperation Organisation // China's Policies on Its Borderlands and the International Implications / ed. by Y. Hao and B. Chou. World Scientific, 2018. P. 47–67.
- Underdal A.* Solving Collective Problems: Notes in Three Modes of Leadership // Challenges of a Changing World: Festschrift to Willy / ed. by W. Østrem. Lysaker: The Fridtjof Nansen Institute, 1991. P. 139–153.
- Young O.R.* Political leadership and regime formation: on the development of institutions in international society // International Organization. 1991. Vol. 45. P. 281–308. doi: 10.1017/S0020818300033117.
- Zhao K.* China's Rise and its Discursive Power Strategy // Chinese Political Science Review. 2015. Vol. 1. P. 539–564. doi: 10.1007/s41111-016-0037-8.

LEADERSHIP IN THE MULTIPOLAR WORLD

CHINA'S STRATEGY IN CENTRAL ASIA*

ELENA SOBOLEVA
SVETLANA KRIVOHIZH

National Research University Higher School of Economics, Saint-Petersburg, 190068,
Russian Federation

Abstract

In the multipolar world regional powers play an increasingly important role, as they strive to become leaders and shape the regional order. It is a common situation, when in one region several powers compete to become a sole leader, however, other types of interaction also exist for example, asymmetric leadership. Asymmetric leadership denotes a situation when one power does not strive to become a sole leader in one region in all spheres, but the scope and type of its involvement in addressing common problems in the region varies. This paper explores the phenomenon of asymmetric leadership using the PRC policy in Central Asia as an empirical case. The theoretical part of the paper outlines the major points of the

* This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research under Grant №19-014-00030.

leadership theory in international relations, which are later used to evaluate China's policy in Central Asia. In the empirical part we explore institutions, regional focus, goals and resources of the Chinese initiatives, as well as analyze factors that influence regional strategy of a rising power. In Central Asia the PRC has expressed leadership ambitions in several issue areas, such as non-traditional security, economic cooperation and development assistance, financial governance, and environmental cooperation. However, its strategy has varied from sphere to sphere in terms of institutionalization, overall regional focus, involvement of other regional power, etc. For example, in the sphere of non-traditional security and financial governance, the PRC has initiated the establishment of special institutions, which are absent in other spheres. The case of Central Asia, which has traditionally been Russian sphere of influence, allows us to investigate the possible responses of one regional power to leadership projects of another. Russia plays different roles in Chinese projects in Central Asia: a co-leader in counter-terrorism sphere, a follower in financial governance, a competitor in economic cooperation, and an observer in environmental protection sphere. The role of Russia is determined by the available resources in each area and its own leadership ambitions, as well as the desire of the PRC to maintain friendly relations with Moscow.

Keywords:

Chinese foreign policy; leadership; Central Asia; SCO; OBOR; AIIB.

References

- Acharya A. (2018). After Liberal Hegemony: The Advent of a Multiplex World Order. *Ethics & International Affairs*. Vol. 32 (1). P. 271–285.
- Aris S., Snetkov A. (2013). Global alternatives, regional stability and common causes": the international politics of the Shanghai Cooperation Organization and its relationship to the West. *Eurasian Geography and Economics*. Vol. 54. No. 2. P. 202–226.
- Bossuyt F. (2019). The EU's and China's development assistance towards Central Asia: low versus contested impact. *Eurasian Geography and Economics*. Vol. 59. P. 603–631.
- Breslin S. (2017). Leadership and Followership in Post-Unipolar World: Towards Selective Global Leadership and a New Functionalism? *Chinese Political Science Review*. Vol. 2. P. 494–511. doi: 10.1007/s41111-017-0082-y.
- Busygina I. (2019). Regional'noe liderstvo v mezhdunarodny'kh otnosheniyakh i rol' Rossii v Evrazii [Regional Leadership in International Relations and Russia's Role in Eurasia]. *Obschestvennyye nauki i sovremennost'*. No. 4. P. 121–133. doi: 10.31857/S086904990005820-4
- Buzan B. (2011). The Inaugural Kenneth N. Waltz Annual Lecture A World Order Without Superpowers. *International Relations*. Vol. 25. No. 1. P. 3–25. doi:10.1177/0047117810396999.
- Cabestan J.-P. (2013). The Shanghai Cooperation Organization, Central Asia, and the Great Powers, an Introduction. *Asian Survey*. Vol. 53. P. 423–435.
- Cooper A. et al. (1991). Bound to Follow? Leadership and Followership in the Gulf Conflict. *Political Science Quarterly*. Vol. 106. P. 391–410. doi: 10.2307/2151739.
- Denisov I., Safranchuk I. (2016). Chetyre problemy SHOS v svete voprosa o rasshirenii organizatsii [Four Problems of SCO in the Context of Organization's Expansion] // *Vestnik MGIMO-Universiteta*. No. 3. P. 112–122.
- Engen L., Prizzon A. (2018). *A guide to multilateral development banks*. ODI. URL: <https://www.odi.org/sites/odi.org.uk/files/resource-documents/12274.pdf> (accessed: 18.11.2019).
- Haas M. de (2017). Relations of Central Asia with the Shanghai Cooperation Organization and the Collective Security Treaty Organization. *The Journal of Slavic Military Studies*. Vol. 30. No. 1. P. 1–16.
- Horta K. (2019). The Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB). A Multilateral Bank where China sets the Rules. *Heinrich Boell Stiftung Publication Series on Democracy*. Vol. 52. URL: https://www.boell.de/sites/default/files/boell_aiib_studie_0.pdf (accessed: 15.12.2019).
- Kortunov A. (2019). Mezhdru politsentrizmom i bipolyarnost'yu: o rossijskikh narrativah evolyucii miroopyadka [Between Polycentrism and Bipolarity]. *Rabochie tetradi RSMID*. No. 2. Moscow: NP RIAC. 40 p.
- Li J. (2015). Shanghai hezuo zuzhi kuoyuan: tiaozhan yu jiyu. [Shanghai Cooperation Organization Expansion: Challenges and Opportunities]. *Russian, East European & Central Asian Studies*. Vol. 6. P. 36–44.
- Malnes R. (1995). 'Leader' and 'Entrepreneur' in International Negotiations: A Conceptual Analysis. *European Journal of International Relations*. Vol. 1. P. 87–112. doi: 10.1177/1354066195001001005.
- Reeves J. (2018). China's Silk Road Economic Belt Initiative: Network and Influence Formation in Central Asia. *Journal of Contemporary China*. Vol. 27. P. 502–518.

- Song W. (2018). Peaceful Rise from the Border: Chinese Practice of Diplomatic Leadership in the Shanghai Cooperation Organisation. In: Hao Y. and Chou B. (eds.) *China's Policies on Its Borderlands and the International Implications*. World Scientific. P. 47–67.
- Shakleina T. (2014). Liderstvo i sovremenniy mirovoy poriadok [Leadership and Current World Order]. *Mezhdunarodnye protsessy*. No. 4. P. 6–19. doi: 10.17994/IT.2015.13.4.43.1
- Syroezhkin K. (2016). Sopryazhenie EAES i EPSHP [Joining of Eurasian Economic Union and Silk Road Economic Belt]. *Rossiya i novye gosudarstva Evrazii*. No. 2. P. 37–55.
- Underdal A. (1991). Solving Collective Problems: Notes in Three Modes of Leadership. In Østreng W. (ed.) *Challenges of a Changing World: Festschrift to Willy Lysaker*. Lysaker: The Fridtjof Nansen Institute. P. 139–153.
- Voskresenskiy A. D. (2004). Kitaj v kontekste global'nogo liderstva [China in the context of global leadership]. *Mezhdunarodnye protsessy*. No. 2. P. 21–33.
- Wu Z., Li B. (2018). Quanqu zhili huayuquan tishengde zhongguo shijiao [Chinese Perspective on the Promotion of the Discourse Power of Global Governance]. *World Economy and Politics*. Vol. 9. P. 4–21.
- Xiong G. (2009) Vseob"emlyushchaya koncepciya nacional'noj bezopasnosti Kitaya (1) // *Rossiya v global'noj politike*. No. 3. URL https://globalaffairs.ru/number/n_13205 (accessed: 02.11.2019).
- Young O.R. (1991) Political leadership and regime formation: on the development of institutions in international society. *International Organization*. Vol. 45. P. 281–308. doi: 10.1017/S0020818300033117.
- Zhao K. (2015) China's Rise and its Discursive Power Strategy. *Chinese Political Science Review*. Vol. 1. P. 539–564. doi: 10.1007/s41111-016-0037-8.